

Г. С. Ахведиани

ПРЕВЕРБНЫЙ ТМЕЗИС В ОСЕТИНСКОМ ЯЗЫКЕ

1. Вопросы об элементе *-цæй-* в осетинском глаголе (з форме прошедшего времени, а также деепричастия *рацæйцыди*, *рацæйцæугæйæ*) касались известные исследователи осетинского языка.

Еще А. Шифнер обратил внимание на его значение в глаголе: «... Г. Цораев меня уведомил, что им (словом *-цæй-*. — Г. А.) обозначается приближавшееся к совершению, но каким-либо образом прерванное и не довершенное действие... Барон Услар познакомил нас с особенной формой прерванного прошедшего («praeteritum interruptum») в абхазском языке»¹.

К раскрытию основной функции элемента *-цæй* ближе подошел В. Ф. Миллер: «Частица *цæй-* (*фæцæйцыди*) придает прошедшему времени глагола оттенок одновременности выражаемого им действия или состояния с другим действием... Прошедшее время с *-цæй-* соответствует ...русскому несовершенному виду (разрядка моя. — Г. А.), но имеет еще оттенок недавности действия...»².

Основную грамматическую функцию *-цæй-* совершенно четко определил В. И. Абаев в связи с обсуждением видовых различий осетинского глагола: «... преверб обращает несовершенный вид глагола в совершенный. Между тем бывают случаи, когда речь идет о несовершенном действии, а между тем необходимо снабдить глагол превербом (для указания направления или характера действия), иначе говоря, сделать превербную форму несовершенной. Для этого служит частица *-цæй-*, вставляемая между превербом и глаголом: *цыди* 'он шел', *рацыди* 'он вышел', *ра-цæй-цыди* 'он выходил'»³.

Что же касается оттенков его значений, подчас даже трудноуловимых, то некоторые из них указаны А. Шифнером и В. Ф. Миллером в приведенных здесь ссылках, а также В. И. Абаевым, отметившим, что *-цæй-* в глаголах выражает начинательность действия: *ра-цæй-цыди* 'он выходил', 'он начал выходить'⁴.

Такое многообразие значений и их оттенков, придаваемых глаголу этим элементом, я склонен объяснить тем, что, хотя материально он, без

¹ «Осетинские тексты, собранные Дан. Чоцкадзе и Вас. Цораевым», Изд. акад. А. Шифнер, СПб., 1868, стр. 97, 98.

² В. Ф. Миллер, *Осетинские этюды*, ч. I (Осетинские тексты), М., 1881, стр. 117.

³ В. И. Абаев, *Русско-осетинский словарь* (с приложением грамматического очерка осетинского языка), М., 1950, стр. 577; В. И. Абаев, *Грамматический очерк осетинского языка*, Орджоникидзе, 1959, стр. 61, 62.

⁴ В. И. Абаев, *Историко-этимологический словарь осетинского языка*, I, М., 1958, стр. 299.

сомнения, является чисто осетинским, однако структурно он в известной мере инородный, а также тем, что использование этого элемента в функции видоразличения — нестарого происхождения: из многих оттенков своих значений элемент *-цæй-* закрепил за собой функцию видоразличения, когда в осетинском глаголе стала действовать превербная перфектность.

2. Выяснено, что осетинские превербы, так же как и грузинские, при динамических глаголах служат для выражения как ориентации (т. е. обозначения позиции говорящего по отношению к действию), так и перфектности — одновременно⁵. Мной высказано мнение, что в обоих языках первая (превербная ориентация), действующая в них и поныне, соответственно древнее второй⁶.

В условиях становления превербной перфектности в осетинском языке, так же как и в грузинском, при неизменности выражения превербной ориентации в обоих языках, естественно, должна была возникнуть трудность выражения имперфектности действия в прошедшем времени глаголов с превербами: выражение превербной ориентации в глаголе без каких-нибудь дополнительных средств исключало возможность одновременного выражения имперфектности, когда глаголы с теми же превербами стали уже выражать перфектность. Однако осетинский язык в отличие от грузинского, в котором не нашлось средств для преодоления этой трудности⁷, осилил ее путем использования лексикализованной к тому времени побудительной частицы-междометия *цæй* — родительного падежа местоимения *цы* 'что' — в качестве вставки в тмезисе между превербом и глаголом: таким образом осетинский язык сохраняет превербную ориентацию, одновременно лишая преверб перфектизирующей силы, или, по удачному выражению В. И. Абаева, «...частица *цæй* как бы нейтрализует значение совершенного действия, придаваемого глаголу превербом»⁸.

3. Тмезис разного характера со вставкой определенных элементов — главным образом местоимений — не чужд отдельным индоевропейским языкам, в том числе иранским; но превербный тмезис, правда в ограниченной мере, из них мы находим только в осетинском языке, особенно в дигорском его диалекте. Кроме того, что элемент *-цæй-* в глаголе употребляется в обоих диалектах⁹, в дигорском «нередко между предлогом (т. е. превербом. — Г. А.) и глаголом вставляется местоименное дополнение, например: *æрба-и-хонетæ* 'призовите его' (-и-); *ра-мæ-марæ* 'убей меня' (-мæ); *нис-сан-ивардтонцæ* 'им положили пищу' ((-син-)), *æр-æи-цардæцæ* 'они зажали на ней' (-и-), *ни-иймæ-дзурдтон* 'я крикнул ему' (-ийм-) и т. п.»¹⁰.

⁵ В. И. Абаев, *Русско-осетинский словарь*, стр. 589, 590; см также «Осетинско-русский словарь» под ред. А. М. Касаева, М., 1952, Приложение: В. И. Абаев, *Грамматический очерк осетинского языка*, стр. 497—499; В. И. Абаев, *Грамматический очерк осетинского языка*, стр. 100—104. Ср. Г. С. Ахведиани, *Сборник избранных работ по осетинскому языку*, Тбилиси, I, 1960, стр. 179 и сл.; «Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института», т. XXII, вып. I, стр. 33—36.

⁶ Для грузинского см. А. Шанидзе, *Основы грузинской грамматики*, Тбилиси, I, 1953, стр. 269 и сл. (на груз. яз.).

⁷ «Грузинский язык... не в состоянии образовать несовершенный вид от совершенного при сохранении преверба» (там же, стр. 282).

⁸ В. И. Абаев считает возможной связь этой частицы с побудительной *цæй* 'ну, ну-ка' (В. И. Абаев, *Историко-этимологический словарь*, стр. 299).

⁹ По моим наблюдениям в дигорском вставочный *-цæй-* употребляется реже, чем в иронском.

¹⁰ В. Миллер, *Ossetica*, М., 1904, стр. 51. Ср. В. Миллер, *Осетинские этюды*, ч. II (Исследования), М., 1882, стр. 219.

С другой стороны, известно, что в некоторых иберийско-кавказских языках, с древних времен взаимодействовавших с аланско-осетинским, а именно в картвельских и абхазско-адыгских, мы находим довольно систематическое употребление превербного тмезиса со вставочным элементом между превербом и глаголом. Наиболее наглядно это видно в древнегрузинском¹¹ и абхазско-адыгских языках¹².

«Рассечение» (тмезис) глагольной формы путем вставки между превербом и основой глагола частиц (-*ve*- 'же', -*γa*- 'только', -*ca*- 'тоже'), местоимений (-*vin*- 'кто', -*ra*-, -*raj*- 'что') и разных обстоятельственных слов (-*vit*-, *uitar*- 'как', -*xolo*- 'однако') в древнегрузинском языке — обычное явление.

Нужно думать, что превербный тмезис использовался в древнейшее время и в других картвельских языках — сванском и занском (мегрельско-чанском) — и применялся как в них, так и в древнейшем грузинском несомненно еще более последовательно, чем в сохранившихся древнегрузинских письменных памятниках. За это говорят, с одной стороны, пережиточные следы употребления превербного тмезиса в сванском и занском, а с другой — постепенное ослабление его вплоть до полной утраты в новогрузинском (в среднегрузинском, например в языке поэмы Руставели, наблюдается довольно значительное количество употребления превербного тмезиса). Ослабление, а затем и исчезновение его, очевидно, было вызвано тем, что он (превербный тмезис) постепенно утрачивал свою (пока что маловыясненную) первоначальную функцию; это хорошо видно в древнегрузинском, где вставочные в тмезисе элементы, сохраняя свое внетмезисное значение энклитик, не придают глаголу какого-нибудь ощутимого значения: они в этом отношении «индифферентны».

Из всех вставочных в превербном тмезисе элементов в древнегрузинском наиболее обобщенным является местоимение-частица -*ra*-, при помощи которой обозначаются различные обстоятельства (времени, места, образа действия и др.), что убедительно показано в работе К. В. Ломтатидзе¹³. Поэтому естественно, что -*ra*- имеет наиболее широкое из всех вставочных в тмезисе элементов применение в древнегрузинском.

Я полагаю, что превербно-тмезисный элемент -*цæй*- в осетинском глаголе структурно тождествен картвельским (и абхазско-адыгским), а семантически — древнегрузинскому -*ra*-, отличаясь от последнего, так же как и от других картвельских (и абхазско-адыгского) вставочных элементов, лексически и функционально.

Осетинский язык, на протяжении многих веков находившийся в тесном контакте с иберийско-кавказскими языками, усвоил от них превербный тмезис вместе с образованием превербной перфективности, и в частности в качестве вставочного элемента использовал свое -*цæй*-, семантически тождественное наиболее часто употребляемому древнегрузинскому «индифферентному» -*ra*-, присвоив ему видоразличительную функцию.

Выше мной было отмечено, что осетинский язык нашел средство для выражения несовершенного вида при сохранении преверба, исполь-

¹¹ А. Шанидзе, *Основы грузинской грамматики*, стр. 266 и сл., там же см. примеры.

¹² К. В. Ломтатидзе, *Следы инфинитного образования глагола в древнегрузинском языке*, — «Иберийско-кавказское языкознание», IX—X, стр. 111 и сл. (резюме на русск. яз.). Там же см. примеря.

¹³ Там же, стр. 115.

зовав для этого свой от иранского наследия элемент *-цәй-*. При этом вспоминаются слова В. И. Абаева, сказанные им много лет назад в связи с рассмотрением падежных окончаний в осетинском: «Очевидно, когда явилась необходимость строить склонение, язык мало заботился о том, чтобы быть последовательным в выборе материала и выходил из затруднения как умел»¹⁴.

В нашем случае мешает невыясненность функции *-га-* в древнегрузинском глаголе. Если наши соображения относительно осетинского элемента *-цәй-* верны, то этот последний может в свою очередь дать нам ценные показания о скрытой функции древнегрузинского вставочного *-га-, -гај-*.

4. Примеры из четвероевангелия. В левом столбце дан осетинский текст, переведенный с русского (изд. 1864 г.). В правом — тот же текст в переводе И. Ялгузидзе с грузинского (рукопись 1820—1823 гг.). Приводятся и соответствующие оригиналы. Графика и орфография — ныне действующего осетинского литературного языка с сохранением диалектных особенностей языка перевода Ялгузидзе.

Мр., XIII, 1

*æмæуый аргъуансәй куы рацәй-
цыди¹, уæд ын йсәхуыргәнинсәг-
тәй иу захта —*

‘Когда выходил он из храма, гово-
рит ему один из его учеников’.

*æмæкуы рацәйчыди¹ уый аргъау-
сәсәй, захда ын умән ейу ахуыр-
гәнинаг —*

*‘gamorajvidoda igi tazrit, hrkua,
mas ertman moçapetaman misman.’*

М., IV, 18

*æмæкуы фәцәйдыци¹ Галилиай
дәнджызы былыл, уæд фәдта
дууәфсымәры —*

‘Проходя же близ моря Галилей-
ского, он увидел двух братьев’.

*Рачәйчыди¹ Иесо Галилиай фур-
ды кәронз фәдда, дыуә сәфсым-
әры —*

*ikceoda raj ieso zγws kidesa mas
galiliajsasa, ixilna orni zт.и.*

Л., X, 33

*Фәлсә иу чидәр Самариаг, йә
цуры рацәйцәуәгәйә¹, бафтыди
ууыл...*

‘Самарианин же некто, проезжая,
нашел на него ...’

*Уый фәсдә самариаг исчи фәч-
сәйчыди¹, сәрчыди учы ранмә ...*

*merme samariṭeli vinme çarvidod-
da³, movida masve adgilsa ...*

Л., XIX, 33

*æмæ уыдон куы уахтой² кәә-
ләуы, уæд сын йә хицәуттә
захт й —*

‘Когда же они отвязывали молодого
осла, хозяева его сказали им’.

*æмæ куы ысчәуахдой² удон уы
кәәләуы, захдой удонән ехича-
утә —*

*aγrajqsnydes igini kicusa mɨs,
hrkues mat upalta matta.*

Примечания к примерам:

¹ Во всех примерах, приведенных из четвероевангелия 1864 г., *-цай-*

¹⁴ См. В. И. Абаев, *Осетинский язык и фольклор*, I, М.—Л., 1949, стр. 101, см. также «Яфетический сборник», VII, 1932, стр. 67, 68.

всегда употребляется с формами глагола *цæуыб* 'идти', а в переводе И. Ялгузидзе — почти всегда (см. след. прим.).

² Варианту *куы ысчæйуахдой* (со вставкой) — в переводе Ялгузидзе — соответствует в левом столбце *куы уахтой* (без вставки).

Что вставка *-цæй-* не зависела от грузинского оригинала со вставкой (*aγ-raj-qsnides*), видно из примера в следующем примечании.

³ Груз. *çarvidoda* (без вставки *-ra-*) переведено *фæчæйчыди* (со вставкой). Как видно, Ялгузидзе переводил не механически, а по диктуемому осетинской формой смыслу. Ср. также прим. 2.

М. И. Исаев

К ВОПРОСУ О КОЛИЧЕСТВЕННОЙ ХАРАКТЕРИСТИКЕ ОСЕТИНСКИХ ГЛАСНЫХ

В обоих диалектах осетинского языка (иронском и дигорском) насчитывается по семи гласных фонем, которые в каждом из них делятся на две группы. В иронском диалекте, являющемся основой литературного языка, в одну группу входят пять гласных (*a, e, u, o, y*), в другую — две (*æ, ы*); в дигорском первую группу составляют четыре гласных (*a, e, o, ы*), вторую — три (*æ, y, u*). В осетиноведческой литературе эти группы называют по-разному: «долгими и краткими» или «сильными и слабыми». Притом нередко затушевывается специфика вокализма каждого из диалектов.

В настоящее время уровень изученности осетинского вокализма позволяет попытаться внести большую ясность в вопрос о делении осетинских гласных на группы и предложить единую обоснованную терминологию.

История вопроса. Как известно, у автора первой «Осетинской грамматики» (1844 г.) акад. А. Шегрена не было еще фонологического подхода при определении количества гласных. Он насчитывал десять гласных «... *a, æ, e, é, i, o, õ, w, y и v*, кои бывают или короткие... или долги... Сколько мне до сих пор известно, — пишет он, — гласные: *e, õ* и *w* суть всегда только короткие; напротив того, *é* всегда долга, а все прочие то короткие, то долги»¹.

Крупнейший осетиновед акад. В. Ф. Миллер уточнил количество осетинских гласных в обоих диалектах. В иронском он насчитывает семь гласных: долгие *a, e, u, y, o* и краткие *æ, ы* (по Миллеру: *a, ẽ, i, y, o, u, ă*). Дигорский вокализм В. Ф. Миллер отличает, во-первых, отсутствием гласной *ы* и, во-вторых, тем, что в дигорском *u* и *y* краткие².

Проф. Б. А. Алборов делит осетинские (иронские) гласные на долгие (*a, o, e*) и краткие (*æ, ы*); что касается гласных *u, y*, то они, по мнению Алборова, бывают то долгими, то краткими³.

Названия «долгие и краткие» придерживается и проф. Г. А. Дзагуров⁴.

С развитием осетиноведения появилась потребность более точного определения гласных по количественному признаку.

А. А. Фрейман в 1927 г. писал: «... современный осетинский язык (по крайней мере в иронском его диалекте, — добавляет он в сноске) не зна-

¹ Шегрен, *Осетинская грамматика*, СПб., 1844, стр. 40.

² В. А. Elborty, *Iron ævzadžy cybyr grammatikæ*, Dzæudžyqæu, 1925, стр. 149.

³ В. А. Elborty, *Iron ævzadžy cybyr grammatikæ*, Dzæudžyqæu, 1925, стр. 149, 150.

⁴ См. Г. А. Дзагуров, *К вопросу об ударении в осетинском языке*, — «Сборник научного Общества этнографии, языка и литературы при Горском педагогическом институте», вып. I, Владикавказ, 1929, стр. 124 и сл.

F-35313